

УДК 811.21

ББК 81.2-2

**О СООТНОСИТЕЛЬНОСТИ
СЛОЖНЫХ СЛОВ И
АКТУАЛЬНОГО СИНТАКСИСА**

Ганизода Савринисо, канд.филол.наук, доцент
кафедры таджикского языка ГОУ «ХГУ имени
акад.Б.Гафурова» (Таджикистан, Худжанд)

**РОЧЕЪ БА МУТАНОСИБИИ
КАЛИМАҲОИ МУРАККАБ ВА
СИНТАКСИСИ АКТУАЛӢ**

Ганизода Савринисо, н.и.ф., дотсенти кафедраи
забони тоҷикии МДТ “ДДХ ба номи акад.
Б.Гафуров” (Тоҷикистон, Хучанд)

**ON CORRELATION
OF COMPOUND
WORDS AND
ACTUAL SYNTAX**

Ghanizoda Savriniso, candidate of philological
sciences, Associate Professor of the Tajik language
department under the State Educational Institution
(SEI) “KSU named after acad. B.Gafurov (Tajikistan,
Khujand) **E-MAIL:** barakaeva-83@mail.ru

Ключевые слова: актуальный синтаксис, тема, рема, семантическое толкование, ономасиологическая структура, ономасиологический базис, ономасиологический признак

С позиции актуального синтаксиса рассматриваются сложные слова модели «существительное + существительное», «прилагательное + существительное», которые выражают ономасиологические категории признака лица, предмета и места, выбранные из «Фарханги ашъори Рудаки» («Словаря поэзии Рудаки»). Рассмотрение сложных слов с точки зрения актуального синтаксиса приводит к определению их ономасиологической структуры, и на примере слов из «Фарханги ашъори Рудаки» определено, что сложное слово обладает особой ономасиологической структурой, а соотношение базиса и ономасиологического признака требует специального исследования. Установлено, что самой продуктивной ономасиологической категорией является категория признака лица, и это имеет свои причины: в творчестве Рудаки положение и личность человека занимали особую позицию. В структуре рассмотренных сложных слов, в которых качества и признаки лица порождают различные ассоциации при взаимодействии прямого и переносного значения, в основном сохраняется рематическая часть, а ономасиологический базис (тема) расположен вне ономасиологической структуры.

Калидвожаҳо: наҳви актуалӣ, тема, рема, шарҳи маъноӣ, сохтори ономасиологӣ, таркиб, базиси ономасиологӣ, аломати ономасиологӣ

Калимаҳои мураккаби қолаби исму исм ва сифату исм, ки категорияҳои ономасиологӣ аломати шахс, ашъ ва маконро ифода мекунанд, аз “Фарҳанги ашъори Рӯдакӣ” фароҳам оварда шуда, аз мавқеи наҳви актуалӣ баррасӣ гардидаанд. Аз мавқеи наҳви актуалӣ баррасӣ шудани калимаҳои мураккаб ба муайян гардидани таркиби ономасиологӣ оварда мерасонад ва дар мисоли “Фарҳанги ашъори Рӯдакӣ” маълум шудааст, ки калимаи мураккаб дорои таркиби ономасиологӣ хос буда, таносуби базис ва аломати ономасиологӣ тадқиқоти махсусро тақозо менамояд. Муқаррар карда шудааст, ки категорияи аломати шахс сермахсултарин категория буда, он сабабҳои худро дорад: дар эҷодиёти Рӯдакӣ шахсият ва ҷойгоҳи инсон мавқеи намоёнро ишғол мекард. Дар таркиби калимаҳои мураккаби таҳлилишуда, ки сифат ва аломати шахс дар натиҷаи таъсири мутақобилаи маъноҳои асли ва маҷозӣ ҳосил мешаванд, асосан ҳиссаи рематикӣ маҳфуз монда, базиси ономасиологӣ (тема) берун аз таркиби ономасиологӣ ҷой гирифтааст.

Key-words: *actual syntax, theme, rheme, semantic interpretation, onomasiological structure, onomasiological basis, onomasiological sign*

From the position of actual syntax there are considered the words of the models “noun plus noun”, “adjective plus noun” which express onomasiological categories of the signs of person, subject and place selected from “Farhangi ashore Rudaki” (“The Glossary of Rudaki’s Poetry”). Consideration of compound words from the point of view of actual syntax results into a determination of their onomasiological structure. Taking the words from “Farhangi ashore Rudaki” as examples the author of the article asserts that a compound word has an especial onomasiological structure and correlation of basis and onomasiological sign requires special research. It is stated that the most productive onomasiological category is the sign of person and it is accounted for by the reasons of its own: in Rudaki’s creation man’s position and personality occupied a special position. In the structure of the analyzed compounds words in which qualities and signs of persons engender different associations under the interaction of direct and transitive meanings mostly a rhematic part is preserved and onomasiological basis (theme) is out of onomasiological structure.

Огромное количество новых производных слов соотносимо с определённой синтаксической единицей и всегда может быть интерпретировано с ее помощью. Поэтому образование нового слова гораздо естественнее рассматривать как явление синтаксического, а не морфемного плана, и описывать это явление в понятиях актуального синтаксиса [5, с. 5].

Идея возникновения производных слов на синтаксической основе не нова. Её ещё в XIX в. разрабатывал Ф.И. Буслаев, говоря о синтаксических преобразованиях (о сокращении целого предложения в отдельный член).

Начиная с работы Р. Лиза 1960 г., поток исследований, связанных с проблемой «Словообразование и синтаксис», стал настолько мощным, что только обзор этой литературы потребовал бы специальной монографии [4, с. 35; 1]. Указания на прямую зависимость многих типов сложных слов от синтаксических конструкций уже содержались в классических работах по индоевропеистике и германистике. Эти концепции обрели новую форму в теории порождающей грамматики, но главная идея – образование сложного слова на основе синтаксического целого – сохранилась. С точки зрения порождающей грамматики это сравнение является доказательством центрального места синтаксиса в системе языка.

В европейской лингвистической школе те же факты рассматриваются в ином свете и получают иное объяснение. Тезис “каждый тип сложных имён следует изучать как трансформацию какого-либо типа синтаксически свободного высказывания” [2, с. 241] был выдвинут Э. Бенвенистом в 1967 году. Демонстрируя, как именно типы предложений трансформируются в именные знаки, Э. Бенвенист подчеркивает, что в итоге этого процесса оказывается возможным употреблять «целые предложения как прилагательные или существительные и вводить их в этом новом качестве в другие предложения» [2, с. 256]. По Э. Бенвенисту, переход предложения в имя сопровождается не только существенными преобразованиями его синтаксических возможностей, но и не менее очевидными семантическими и функциональными сдвигами.

Эта концепция представляется многим лингвистам плодотворной, поскольку она позволяет рассматривать сложные слова и соответствующие им синтаксические конструкции не столько как равноправные семантические эквиваленты, своеобразные синтаксические синонимы, сколько, напротив, как единицы, которые хотя и выступают

как связанные сеткой формально-семантических переходов и отношений, оказываются, тем не менее, далеко не тождественными ни по смысловой структуре, ни по функциям, ни, наконец, по месту, занимаемому ими в системе языка [6, с. 231].

Ономасиологический подход к явлениям словообразования заставляет признать эту принципиальную нетождественность разных средств наименования. Именно с точки зрения структуры наименования, название словом и название синтаксической единицей, сходное по отнесению к одному и тому же объекту действительности, объекту наименования, расходятся в языковых средствах представления этого объекта.

Чешские лингвисты были первыми учёными, обратившими внимание на сложный характер ономасиологической структуры производного слова и на его обязательную двучленность. Согласно указанной точке зрения, ономасиологическая структура производного слова складывается из ономасиологического базиса – понятия, которое кладётся в основу обозначения, и ономасиологического признака – понятия, которое так или иначе уточняет основное содержание обозначаемого, ограничивая его, конкретизируя или модифицируя основу названия [6, с. 265].

Ономасиологическая структура сложного слова обусловлена тема-рематическим строением исходного синтаксически свободного высказывания, поскольку в результате универбации данной единицы тема образует его ономасиологический базис, а рема – ономасиологический признак.

Идея об использовании актуального синтаксиса в словообразовании принадлежит Е.Л. Гинзбургу. В монографии «Словообразование и синтаксис» Е.Л. Гинзбург анализирует не процесс образования слова, а результаты этого процесса, соотношение мотивирующих единиц и производных слов.

Анализ производного слова с точки зрения того, что происходит с семантической структурой производящего при переходе к производному, в существенной своей части сводится к решению следующих двух задач:

1. Что и как наследует производное в контекстах производящего? Сохраняется ли в наследуемом организация, присущая производящему? Обладает ли производное слово такими семантическими связями в тексте, которых не могло быть у производящего?

2. Меняется ли упорядоченность тех парадигматических связей производящего, которые наследуются производным?

Затем он делает вывод, что каждое производное слово является результатом синтаксической единицы [3, с. 37].

Указывая на причины наличия темы и ремы также в структуре производного слова, Е.С. Кубрякова отмечает: «Если под явлением номинации понимать отношение обозначаемого и обозначающего как отношение языковой единицы и реального предмета, то разные языковые единицы оказываются выполняющими номинативную функцию нетождественным образом, поскольку они нетождественны и по объекту наименования, и по его структуре. В то время как слова или словосочетания выступают как названия отдельных предметов, отдельных свойств и прочих (любых) атрибутов материи, выделенных именно в силу отдельности их осознания, предложение именуется предметами и явлениями в их взаимной связи, но в их расчлененности. Производное слово выступает и в этом отношении как некая промежуточная единица: хотя, подобно слову, она относится к отдельному элементу человеческого опыта, эта единица, подобно предложению, обладает свойством расчленённого представления того, что именуется. В производном слове, благодаря этому свойству, есть, как и в предложении, своя «тема» и своя «рема», свой «внутренний синтаксис» [6, с. 226].

В данной статье с позиции актуального синтаксиса рассматриваются сложные слова модели «существительное + существительное», «прилагательное + существительное», которые выражают ономаσιологические категории признака лица, предмета и места, выбранные из «Фарханги ашъори Рудаки» (ФАР) – «Словаря поэзии Рудаки». С целью точного восстановления темы и ремы необходимо опереться на относительно развернутый текст, который в точности характеризует состояние, выражаемое сложным словом. Для решения этой задачи мы сравнили сложное слово с его семантическим толкованием. Толкование сложных слов имеет двоякую сущность: с одной стороны, они рассматриваются как типичный лексикографический способ определения значений данных слов, с другой стороны, эти толкования рассматриваются как источник сложного слова, так как говорящий, прежде всего выражая свои знания о предмете в форме предложения, впоследствии считает эту форму неудобной [4, с. 56].

Естественно, что сложные слова формируются носителями языка с учётом возможности точного раскрытия их значения, и пределы свёртываемости темы при словообразовании зависят от того, как семантическое толкование помогает при разъяснении и осмыслении сложных слов. Исходя из этого, носитель языка, называя объект посредством сложного слова, обращает внимание на структуру семантического толкования.

В большинстве случаев исходная единица отражается в семантическом толковании, и носитель языка, сформировав его в сложное слово, имеет возможность опереться на текст, который обеспечивает точное осмысление сложного слова. В этом случае, с одной стороны, в его семантическом толковании могут быть выражены и тема и рема. С другой стороны, в семантическом толковании может быть выражена лишь часть темы, а рема появляется в сложном слове впервые; и, наконец, в семантическом толковании существует лишь рема, а тема не выражена.

Поскольку особенности ономаσιологической структуры сложного слова, многочисленные трудности при осмыслении его значения обусловлены сочетанием со степенью и сокращением тематической части синтаксической единицы, соотношения сложного слова и его семантического толкования также разнообразны. Это разнообразие выражено в ФАР в четырёх группах:

1. В составе сложного слова выражены и часть темы, и часть ремы семантического толкования. В сложных словах данной группы составные части имеют прямое значение, тематическая и рематическая части семантического толкования, сохранившись полностью, образовали базис и ономаσιологический признак, например:

гулранг (цвет розы, розовый цвет);

сардохан (холодное, невыплавленное железо);

гирднон, гирдмох (хлеб, луна, имеющие круглую форму);

сурххум (кувшин красного цвета);

торранг (тёмный, черный цвет).

Данные сложные слова выражают ономаσιологическую категорию предмета формулой «то, что имеет тот или иной признак».

2. В структуре сложных слов выражена лишь рематическая часть семантического толкования. Этот тип сложных слов очень широко использован в ФАР и обладает различными особенностями:

2а) при анализе сложного слова с ономаσιологической позиции должны быть приняты во внимание все его особенности. Пропорционально этому, при анализе сложных слов

необходимо принять во внимание не только то, какими особенностями обладает сложное слово, но и то, для чего оно образовано и какими особенностями отличается от исходной единицы, которая в итоге приобретает новый статус. Например, в следующих строках Рудаки:

*Ба зулфи чавгон нозиш ҳамекунӣ ту бад-ӯй,
Надидӣ он гаҳ ӯро, ки зулфчавгон буд.*

На первый взгляд, при поверхностном рассмотрении сложное слово «зулфчавгон» кажется результатом словообразования методом выпадения изафета (факки изофа) от словосочетания «зулфи чавгон», приведённого в первой строке двустишия. Однако не следует считать возникновение этого слова результатом выпадения изафета и ставить его в один ряд со сложными словами, образованными в результате выпадения изафета: сохибмаърифат (сохиби маърифат - имеющий образование), мироб (мири об – распределитель воды), тухмбирён (тухми бирён – жареное яйцо, яичница), так как в них происходит выражение предмета через его признак, а в сложном слове обозначение признака лица происходит путём его выделения из однородной группы. То есть, ономасиологические категории, выражающие изафетное словосочетание и это сложное слово, различны: одна указывает на категорию предмета, другая – на категорию признака (зулфчавгон – обладающий вьющимися волосами, кудрявый).

Ономасиологический базис сложного слова «зулфчавгон», выражающий носителя признака, расположен вне ономасиологической структуры, в составе сложного слова сохранилась лишь часть ремы. Это сложное слово образовалось в результате сближения двух простых самостоятельных предложений: «Зулф чавгон аст» и «Ў зулфи чавгон дорад», в одном из которых говорится о признаке, а в другом – о носителе признака. К данному типу относятся также сложные слова борикмиён, дилреш, бадасл, латифдаст, мусалсалмӯ. Следовательно, сложное слово двучленно, а синтаксическая структура трехчленна. Изучая эту сторону синтаксической единицы, известный учёный Э. Бенвенист отмечал, что, кроме частей, выраженных в сложном слове, синтаксическая структура также включает и важный элемент – носителя языка, который отражает особенность ономасиологической структуры [2, с. 251];

2б) в сложных словах типа «монавитабъ, лайлисифат, олихикмат, юсуфрӯй, набисират» описание производится путём сопоставления одного предмета с другим на основе того или иного общего признака, не выраженного в структуре сложных слов. В структуре указанных сложных слов актуализируется название самого сопоставляемого предмета, а не часть, выражающая его признак, например: юсуфрӯ (рӯ чун Юсуф аст и ӯ дар рӯ чун Юсуф зебост - Лицо красивое, как у Юсуфа, и Он лицом красив, как Юсуф), набисират (Хулку хӯй, сират пайғамбарона аст ва ӯ хулку хӯи пайғамбарона дорад - Характер пророческий и Он обладает пророческим характером).

В сложных словах типа савсанбаногӯш (баногӯш чун савсан [сафед] аст и ӯ баногӯши чун савсан [сафед] дорад – Мочки уха [белы], как лилия и У неё [белая] мочка уха как лилия, гулрух (рух чун гул [зебост] и ӯ рухи чун гул [зебо] дорад, - Лицо [красиво] как цветок и У неё [красивое], как цветок, лицо - сокращены из семантического толкования части, выражающие признак предмета сравнения (зебо, сифат), которые не отражены в структуре сложных слов;

2в) в таких сложных словах, как хубгӯшт и бисёргӯшт, из состава семантического толкования выражена лишь рематическая часть; семы хуб, бисёр (начальные элементы сложных слов) впервые появились в процессе словообразования в структуре сложных слов: бисёргӯшт – полный, толстый человек; хубгӯшт – полный, жирный человек.

В «Фарҳанги забони тоҷикӣ» [8, с. 499] слово хуб приведено в значении «хороший – нағз, добрый – нек; красивый – хушрӯ; твёрдый – сахт, крепкий – мустаҳкам».

В творчестве Рудаки это слово используется в значении «много – бисёр, изобильный – фаровон», и примечательно то, что в одинаковых однозначных бейтах последние слова заменены синонимами. Сравните:

*Шуд ба гармоба дарун истод гӯшт,
Буд фарбию калон, бисёргӯшт [7, с.52]*

и

*Шуд ба гармоба дарун як рӯз гӯшт
Буд фарбию калону хубгӯшт [7, с. 266].*

Следует отметить, что в современном таджикском литературном языке слово хуб в значении «фаровон – изобильный, бисёр – много» используется лишь в разговорной речи. Этот факт ещё раз свидетельствует о влиянии характерных особенностей классической литературы на современную разговорную речь, в которой встречаются её характерные особенности.

3. Семантическое толкование и сложные слова имеют общую тематическую часть. Примерами этой группы сложных слов могут быть шермард (богатырь, человек, который похож на льва по силе и храбрости), родмард (благородный муж), кажмардум (нечестные люди). В них тематическая часть (мард, мардум) обобщена с ономасиологическим базисом: все они отражают категорию лица.

4. Сложные слова и семантическое толкование не имеют тематической части. Они проявляются как взаимосвязанные синонимы, например муборакхусрав (благословенный царь), табахор (испорченный), озоднажод (честный, добродетельный), сурхрӯ (авторитетный, уважаемый человек), хирасар (тупоумный, бестолковый). Сложные слова этого типа выражают ономасиологическую категорию признака лица и очень широко использованы в ФАР.

В процессе образования сложных слов существуют обстоятельства, когда значение сложного слова трудно определить по семантике составных элементов, и это происходит по разным причинам. Одной из них является приобретение одним из элементов сложного слова переносного значения. Например, в ФАР слово шоҳ, приобретая переносное значение в составе ряда сложных слов: шохрох, шоҳбӯй, роҳшоҳ, играет значительную роль в определении их ономасиологического состава.

Следует отметить, что простое соединение структурных компонентов не образует значения сложных слов. Необходимо определить семантическую нагрузку каждого компонента сложного слова, без чего трудно выяснить его ономасиологическую структуру, и только обращение к словарям при семантическом толковании структурных компонентов дает возможность осмыслить переносное значение компонента шоҳ в значении «самый лучший», «огромнейший», «основной», «важный».

В большинстве случаев значение определенного типа сложных слов не меняется при изменении позиции его компонентов (зулфчавгон-чавгонзулф, сафедрӯ- рӯсафед, тангдил-дилтанг), но в одном из бейтов Рудаки при изменении позиции компонентов сложного слова шохрох к ономасиологической категории места добавляется категория лица, и выражение этой категорией данного сложного слова является характерной особенностью творчества Рудаки: 1) роҳшоҳ - большая, широкая дорога; 2) человек, основным занятием которого является путешествие; рохрав, марди роҳ – идущий, путник. Бейт:

*Ба роҳ андар ҳамешуд роҳшоҳе,
Расид ӯ то ба назди подшоҳе [7, с. 209].*

В зависимости от изменения позиции компонентов также меняется соотношение компонентов ономаσιологической структуры: согласно первому толкованию сложного слова «роҳшоҳ», ономаσιологический базис расположен в сложном слове, согласно второму толкованию ономаσιологический базис расположен вне ономаσιологической структуры. В то же время словосочетание “марди роҳ” (бехтарин – лучший) может служить в качестве его исходной единицы.

Таким образом, рассмотрение сложных слов с точки зрения актуального синтаксиса приводит к определению его ономаσιологической структуры, и на примерах слов из ФАР выяснилось, что сложное слово обладает особой ономаσιологической структурой, а соотношение базиса и ономаσιологического признака требует специального исследования.

Установлено, что самой продуктивной ономаσιологической категорией является категория признака лица — и это имеет свои причины: в творчестве Рудаки положение и личность человека занимали особую позицию. В структуре рассмотренных сложных слов, в которых качества и признаки лица порождают различные ассоциации при взаимодействии прямого и переносного значения, в основном сохраняется рематическая часть, а ономаσιологический базис (тема) расположен вне ономаσιологической структуры.

Список использованной литературы:

1. Амонова Ф. Опыт ономаσιологического исследования деривационной системы современного персидского языка. - Душанбе, 1996. – 288 с.
2. Бенвенист Э. Синтаксические основы именного сложения // *Общая лингвистика*. - М.: Прогресс, 1974. – 256 с.
3. Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. - М.: Наука, 1979. – 264 с.
4. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. - М.: Наука, 1981.- 200 с.
5. Сахарный Л.В. Словообразование как синтаксический процесс // *Проблемы структуры слова и предложения*. – Пермь, 1974. – С. 3-29.
6. Теория номинации и словообразование // *Языковая номинация: Виды наименований*. - М.: Наука, 1977. - С. 222-303.
7. Фарҳанги забони тоҷикӣ. - М.: Сов. энциклопедия, 1969.-Т.1.- 951с. - Т.2.-952 с.
8. Фарҳанги ашъори Рӯдакӣ. – Душанбе, 1990. - 368 с.

Reference Literature:

1. Amonova F. *The Experience of Onomasiological Research in Regard to the Derivational System of Modern Persian Language*. – Dushanbe, 1996. – 288 pp.
2. Benvenist E. *Syntactic Foundations of Nominal Formation // General Linguistics*. – М.: Progress, 1974. – 256 pp.
3. Ghinzburg Ye.L. *Word-Building and Syntax*. – М.: Science, 1979. – 264 pp.
4. Kubryakova Ye.S. *Types of Lexical Meanings: Semantics of Derivative Word*. – М.: Science, 1981. – 200 pp.
5. Sakharny L.V. *Word-Building as a Syntactical Process // Problems of Word and Sentence Structures*. – Perm, 1974. – pp. 3 – 29.
6. *Theory of Nomination and Word-Building // Linguistic Nomination: Types of Nominations*. – М.: Science, 1977. – pp. 222 – 303.
7. *Tajik Language Dictionary*. – М.: Soviet Encyclopedia, 1969. – V.1. – 951 pp.; V.2. – 952 pp.
8. *Rudaki's Poetry Glossary*. – Dushanbe, 1990. – 368 pp.